

Клуб рассказчиков

Михаил КАРПЫЧЕВ

ЗАЩИТА

Юлии Федосеевой

Витя Лавров проснулся очень рано, в шесть часов. Он честно пытался ещё поспать, но ничего не получалось. Рядом, чуть-чуть похрапывая, спала его жена Катя. Как ни странно, но это похрапывание всегда вызывало у Лаврова не раздражение, а, наоборот, прилив искренней нежности. Он лежал на спине и думал. Сегодня у него был трудный, необычный, долгожданный день. Факт биографии, решающий в каком-то смысле судьбу. Сегодня Виктор Александрович Лавров защищал кандидатскую диссертацию по филологии. Он шёл к этому событию долгих восемь лет, включающих аспирантуру, работу преподавателем, потом старшим преподавателем в институте. Все многочисленные предварительные процедуры – сдача минимумов, обсуждения на кафедре и в экспертном совете, публикация нужного количества статей для ВАКа, написание и рассылка автореферата, окончательный набор и распечатка самой диссертации, контакты с оппонентами и их отзывами с замечаниями, требующими у соискателя тонко сформулированных ответов, дипломатично возражающих уважаемым учёным в отношении содержания работы и покорным согласием с их претензиями на опечатки, стилистические нюансы, ошибочно указанные страницы,

неверные знаки препинания в списке литературы... – всё было позади и было пройдено благополучно. Лавров знал, что написал вполне приличную диссертацию, имеющую не только элементы научной новизны, но и перспективу создания докторской работы. Ему очень помогла Катя, полгода назад ставшая кандидатом медицинских наук, знавшая всю эту кухню изнутри и умеющую читать научные тексты по любой специальности опытными, анализирующими каждое слово глазами. Она любила его, он любил её, и они жили хорошо, мирно, твёрдо решив предпринять максимум усилий, чтобы родить малыша или малышку после его защиты. Лавровы были одногодки, им было лет тридцать, две защиты давали им необходимые средства для качественного воспитания ребёнка и безбедного течения их семейной жизни. Так что судьбоносность сегодняшнего события имела конкретный, непосредственный характер. Вот об этом всё мнил Витя, лёжа на спине с закрытыми глазами.

Катя проснулась и тут же поцеловала его в шею, что он очень любил.

– Ну, как ты, защитник? Ни сна, ни отдыха измученной душе? Я храпела?

– В минимальной, допустимой степени.

Карпычев Михаил Георгиевич родился 27.06.1952 г. – поэт, прозаик, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Трюкач» (2002), «Прощай, Париж!» (2005), «Не дольше дня продлится век» (2006), «Maria, Ave...» (2008), «Далёкое эхо» (2012), «Песни протеста» (2014), поэм в стихах «Курортный романс» (2009), «Один» (2010), прозы «104 страницы про жизнь и смерть» (2016), «Когда едешь ты в Европу, солнце светит...» (2018). Помимо литературной деятельности – концертирующий пианист, композитор, профессор Новосибирской консерватории, доктор искусствоведения.

– Что же делать? Вот напасть! Ты злишься?

– Наоборот, честное слово.

– Ах, обмануть меня не трудно... Всё равно спасибо за святую ложь... Уже нужно вставать?

– Давай вставать. Всё равно не спим.

– Вставать, так вставать. Представляешь, с каким настроением, с какой радостью мы встанем завтра? Хорошо, что сегодня уже наступило. Завтра – на свободу с чистой совестью!

– Не говори гоп...

– Да что ты кокетничаешь? Ты же прекрасно знаешь, что все тексты ответов ты написал, предмет до тонкостей изучил, на вопросы ответишь без труда, я уверена. Защита – это уже спектакль в отличие от предыдущих этапов, Совет подчиняется ВАКу и должен выполнять что-то вроде плана по защите, иначе его просто закроют... В конце концов, если весёлые ребята в экспертном совете тебя рекомендовали к защите, они уже там тебя не завалят... для этого совсем уж подлецами нужно быть. Так что не дрейфь. Не забывай, как тебя зовут – Виктор, победитель!

– Убедительно излагаешь. Но ум с сердцем не в ладу.

– Вот видишь, ты даже Грибоедова читал. Я горжусь твоим знанием русской литературы и успеваемостью в седьмом классе, когда ты успешно прошёл «Горе от ума». До сих пор помнишь, а ведь минуло семнадцать лет! Ни намёка на склероз!

– Катюша, давай вставать...

Лавровы поднялись, она застелила постель, и они пошли завтракать. Катя вчера купила торт и положила на стол конфеты и сахар. Она категорически настаивала на том, чтобы Витя всё это ел и пил сладкий чай. Катя твёрдо, как врач, знала – глюкоза способствует работе мозга и снимает стресс. Он подчинился ей (как обычно) и покорно съел большой кусок торта «Тирамису» и четыре конфеты «Лёвушка» со сладким чаем. Потом он пошёл собирать вещи в портфель, чтобы сделать это спокойно, без спешки и ничего не забыть: рукописи вступительного слова, ответов на отзывы ведущей организации, оппонентов и внешних рецензентов на реферат. Наличие отзывов было организовано научным руководителем Вити по личным научным каналам, поэтому два отзыва сохранились по одному вопросу, а остальные четыре воздвигали Лаврову нерукотворный памятник без вопросов и замечаний – руководитель Лаврова имел научный авторитет и был хорошим человеком. Кроме этого, в портфель легла важная рукопись заключительного слова, в котором Виктор Александрович благодарил весь профессорско-преподавательский со-

став института, сослуживцев по кафедре прежде всего, за чуткость и содействие, а технический состав (звукооператоры, видеоумельцы, сотрудники, обеспечивающие скатерть, цветы, вазы для цветов, минеральную воду, мытьё полов...) за эффективную помощь в проведении защиты... Отдельно – ректора, проректора по науке, председателя, учёного секретаря Диссертационного совета, зав. кафедрой, оппонентов, рецензентов, авторов отзывов, всех присутствующих, наконец, научного руководителя... Витя хотел добавить в этот святой реестр и жену, но Катя жёстко возразила:

– И так всё это – театр, имитирующий науку... Нечего к тому же превращать его в голливудскую комедию с вручением «Оскаров». Не нужно меня пиарить. Спасибо, конечно, Витенька.

Наконец, портфель был собран. Катя помыла посуду и убрала кухню. Часы показывали десять. Они должны были ещё перед выходом упаковать продукты для банкета, которые занимали практически весь холодильник. Защита была назначена на четыре часа, заказывать такси и выходить из дома нужно в половине второго, чтобы без спешки накрыть стол для банкета и проверить технические службы. Значит, начинать готовиться к выходу нужно в двенадцать – половине первого. Начиналось самое трудное время ожидания – приблизительно полтора часа. Самое трудное, потому что взгляд неминусом останавливался на минутной стрелке чуть ли не каждую секунду, а занять себя было нечем. Волнение росло, росло, росло... Катя всё чувствовала и видела. Она померила Вите давление. Оказалось сто пятьдесят на сто десять. Он проглотил таблетку, которую жена заставила его принять. Лавров решил перечитать все тексты вслух – вдруг есть ошибки, нестыковки в падежах, повторы слов в одном абзаце...

Супруги Лавровы приехали в институт, и Витя в два похода перенёс продукты из багажника такси в большую комнату, где должен был проходить банкет. Вся эта банкетная деятельность вызывала у Лаврова искреннюю ненависть: он ещё не защитился, а нужно было готовиться к торжеству. Но он, конечно, понимал, что для хлопотного накрытия стола после окончания защиты времени не будет: измождённые члены Диссертационного совета, которым ни копейки не платили за многочасовое сидение на защитах, отыгрывались по мере сил на постзащитных банкетах. Они привыкли сразу после оглашения результатов голосования подниматься на второй этаж и садиться за уже накрытый стол.

Перед тем, как включиться в работу,

Витя пошёл выкурить сигарету в туалете. Это был единственный повод для скандалов в семье Лавровых – Катя не переставала самым яростным образом требовать у Вити бросить курить. Но сегодня она промолчала, когда муж уходил с сигаретой. Она понимала, что сейчас ни в чём его упрекать было нельзя. В туалете Витя неожиданно встретил своего научного руководителя Андрея Петровича Безуглова. Они, наконец, закурили, потому что Лавров долго не мог зажечь спичку, руки вышли из повиновения. Андрей Петрович, тоже прекрасно понимавший, что сегодня не нужно давить на Витю, всё же не выдержал:

– Ты меня прости, но что ты психуешь? Что с ума сходишь? У тебя руки дрожат!

– Да нет, Андрей Петрович, всё нормально. Я спокоен.

– Ты спокоен? Покой Вам, Лавров, только снится! Послушай меня внимательно. Прекрати устраивать истерику и пойми простую вещь, во всяком случае, постарайся понять. Витя, у тебя сегодня праздник! Таких праздников у человека может быть только два! Ты понимаешь? И сегодня первый! Нужно наслаждаться каждым мгновением. По капельке пить этот день. Я бы тебя как-то понял, если бы что-то было не в порядке, отзывы отрицательные, у меня враги смертельные, которые на тебе могут отыграться... Ничего этого нет. Все считают, что ты – достойный соискатель, экспертный совет единогласно тебя рекомендовал к защите, голова у тебя на плечах есть, чтобы ответить на вопросы... а после них всё автоматически потечёт по рельсам. Читай свои ответы, а потом благодари человечество за внимание. Все ответы на замечания мы проработали. Нет, нет повода для истерики. Ты понял?

– Да, конечно. Вы совершенно правы. Спасибо за участие, за внимание. Всё, я взял себя в руки. Пойду Кате помогать.

Андрей Петрович протянул Вите руку. Лавров вышел из туалета и пошёл к жене. Теперь психовала она – его нет уже пятнадцать минут, сколько времени можно курить одну сигарету? Наконец, он с улыбкой вернулся, Катя была очень рада этой улыбке, она знала, что она не наиграна. И опять ничего не сказала. Нельзя было.

Витя активно включился в работу: стелил бумажные скатерти, резал колбасу, открывал шпроты, раскладывал разовую посуду, салфетки, салаты по салатницам, мыл фрукты... Дела было много. В последнюю очередь Витя стал нарезать хлеб. Он, действительно, успокоился и активно помогал жене. Вдруг Катя вскрикнула:

– Витька, кончай кулинарую! Без пяти

четыре! Тебе нужно идти защищаться! Ты забыл, лапочка? Когда я всё здесь кончу, прибегу. Ну, ни пуха, ни пера! Иди.

И она подбежала к мужу, обняла его, но целовать не стала, потому что боялась испачкать помадой. Он поцеловал её, взял свой портфель и быстро ушёл.

Витя сел на место, где обычно сидели соискатели. Он был спокоен. Положил руку на запястье и посчитал пульс за пятнадцать секунд. Умножил на четыре. Получилось семьдесят два. Нормально, всё нормально. Процесс пошёл.

Защита текла по каноническим нормам. Безуглов выступил, активно поддерживал и похвалил Лаврова за самостоятельность в работе, увлечённость и самокритичность. До этого были вопросы. Их было немного, и Лавров без труда ответил на все, потому что был знающим специалистом, сам от корки до корки написал свою диссертацию, изучил не только Блока, которому была посвящена работа, но и весь поэтический и политический контекст того времени.

После ответов на вопросы, действительно, можно было выдохнуть. Дальше соображать было не нужно, нужно было просто читать свои письма, причём как можно быстрее. На этом настаивал председатель, и все члены совета хотели этого. После вопросов интерес к защите пропал, отзывы строились по набившей оскомину схеме: 1. Актуальность и научная новизна. 2. Отдельные недостатки, не влияющие на общую оценку диссертации. 3. Диссертация соответствует, а соискатель достоин. Эта схема была темой для скромных вариаций. Лавров шутил, что защита очень похожа на оперетту, где не может не быть счастливого конца, например, две, три, а то и четыре свадьбы. Но почему-то сам ещё часа два назад очень нервничал. Наконец, наступила эпоха дискуссии, то есть свободного высказывания своего мнения всеми присутствующими, если у них есть желание выступить. Желание тут же возникло у двух дам, членов совета, которые довели до аудитории своё искреннее убеждение: Лавров – это новый светоч литературоведения, создавший шедевр, направленный в светлое будущее филологии, такие диссертации появляются раз в сто лет (то же самое они говорили месяц назад на предыдущей защите). И умоляли членов совета голосовать «за», то есть так, как они будут голосовать сами. Третьим выступил толковый профессор, который обратил внимание на, действительно, интересные, новые для науки эпизоды диссертации. Выступал он на защитах нечасто (не то, что те две дамы, считающие защиту без своего выступления потерянным фрагментом

жизни) и его слушали внимательно, переставая читать газеты и решать кроссворды. Председатель посматривал на часы, это радовало, Витя взял в руки текст заключительного (последнего, как острили уже пятьдесят лет) слова. Свет в конце тоннеля засиял на горизонте.

В этот момент поднял руку хороший приятель Вити, работавший с ним на одной кафедре, у которого не всё ладилось с диссертацией, её «зарубил» экспертный совет, потребовав серьёзного изменения текста. Приятеля звали Никита Семёнович Барков. Витя одновременно был рад и не рад: с одной стороны, приятно было услышать ещё несколько комплиментов в свой адрес, а с другой – хотелось уже конца, сил терпеть эту бодягу уже не было, кончался второй час защиты. Катя пришла, он её увидел, они улыбнулись друг другу, она подняла руку и сжала её в кулак. Он заметил её ободряющий жест и в голове мелькнуло – какое счастье, что жизнь свела меня с ней... Барков после галантного приветствия членов совета, которые зарубили первый вариант его диссертации, начал своё выступление:

– Не подлежит сомнению значение диссертации Лаврова в целом (это «в целом» насторожило Витю...). Однако хотелось бы обратить внимание на некоторые детали текста, которые не были отмечены на сегодняшнем заседании. Актуальность работы представляется несколько сомнительной – ведь недавно был опубликован труд, в котором затрагиваются те же проблемы. Лавров поверхностно упоминает о нём, или не придав ему должного значения, или из опасения «повредить» актуальности собственного исследования. Соответственно и научная его новизна оказывается под вопросом. Не следует ли нашему уважаемому совету задуматься о возможности негативной реакции ВАКа на эту работу и, шире, на деятельность нашего совета? Ведь два важнейших момента в оценке диссертации – актуальность и новизна – требуют серьёзного пересмотра.

Лавров посмотрел на Катю, она опустила голову и смотрела на пол. Время от времени она закрывала глаза и проводила рукой по волосам. Он знал этот жест. Это был знак крайнего волнения и тяжёлого нервного стресса. Лавров отвернулся и вдруг в его сознании блеснула мысль – Барков ведь не задавал вопросов, когда в процедуре было их время. Почему? Потому что тогда Лавров бы ему тут же ответил. А Барков выждал момент, когда отвечать уже было невозможно, оставалось только заключительное слово (или, действительно, последнее...). «Подлец, оказывается, он – подлец... Утонул в за-

висти, и вот решился на публичную подлость... Боже мой, какой же негодяй! И ведь не прервёшь, не остановишь этот бред, ничего общего не имеющий с истиной... Специально ведь выждал, чтобы безответно облить грязью...»

Никита Семёнович продолжал:

– Отдельные положения диссертации можно принять, но многие соображения Виктора Александровича нуждаются в серьёзной коррекции...

Основное содержание творчества Блока, как оно сформулировано Виктором Александровичем, представляется несколько иным, причём представляется не только мне, но и...

Трактовка господином Лавровым предмета исследования диссертации и её объекта неточна. Предмет исследования – это материал, изучаемый учёным, а объект – это научная проблематика. (Идиот, подумал Витя, всё как раз наоборот! Почитал бы хоть несколько авторефератов...)

Распределение материала по главам считаю не вполне сбалансированным. Есть перекосяк в количестве страниц второй главы в сравнении с первой на пять единиц, а третьей над второй – на десять. Вряд ли эта дисгармония соответствует общему положительному впечатлению от диссертации.

Выводы каждой главы чрезвычайно кратки и ограничены в объёме. Между тем объект исследования требует учёта контекстных феноменов не только в самой главе, но и в выводах, к которым автор приходит в результате своего анализа. (Лавров взглянул на Безуглова, как ни странно, тот улыбался, откровенно улыбался, с такой улыбкой посетители зоопарка смотрят на обезьян, одна из которых ищет насекомых на голове у другой. Витя чуть-чуть расслабился.)

Список литературы содержит всего 160 наименований при минимуме 150 единиц. Неужели наш великий поэт не заслужил хотя бы 200 пунктов? Возможно предположение, хотя я на нём не настаиваю, что Виктор Александрович относится к Александру Александровичу с недостаточным пиететом. (Для Лаврова с Барковым всё было ясно. Неясно было другое – что делать? Витя усмехнулся – всё тот же наболевший русский вопрос вошёл и в его личную жизнь. Что делать? Возразить было уже поздно, надо читать благодарный реестр, а люди, конечно, слушать его не будут, а будут переваривать выступление Никиты... Он, Витя, остался оплётанным и, может быть, кого-нибудь из членов совета даже убедит дружище Никита... Вот тебе и спокойный, гарантированный успех... Ведь слова этого негодяя всю жизнь – именно всю жизнь – бу-

дут отравлять их с женой существование. Его оскорбили, а он не дал сдачи. Что же делать? Ведь надо идти благодарить... Вдруг в голове у Вити загорелась идея. Как будто молния прошла по мозгам. У него с женой порой возникала какая-то иррациональная, телепатическая связь, когда они понимали друг друга по взгляду, по движению руки, по положению головы... Витя посмотрел на Катю, подняв брови, а она смотрела неотрывно на него. И вдруг! И вдруг она два раза яростно кивнула головой, как будто говорила: «Да! Да!» Витя понял, что она думает так же, как он. Никого он не будет благодарить, пока не даст сдачи. Он не должен остаться оплётанным, бессловесно приняв эту публичную пощёчину. Заключительное слово должен говорить он, и никого не касается, как он будет заключать свою защиту. Как хочет, так и будет заключать, при этом не нарушая процедуру и, в частности, не съездив по морде Никиту Семёновича... Нельзя так оставить, нельзя. Когда отвечу, тогда и коротко скажу всем «спасибо». Это лучше, чем промолчать. Решено.)

В заключение своего выступления хочу подчеркнуть, что, по моему мнению, диссертация Виктора Александровича нуждается в доработке. В настоящем виде она вряд ли соответствует требованиям ВАКа к кандидатским диссертациям. Однако я не являюсь членом Диссертационного совета, которому и предстоит вынести решение. Надеюсь, совет отнесётся со вниманием к моему выступлению и предотвратит негативную реакцию ВАКа на сегодняшнюю защиту. Спасибо за внимание.

Барков сошёл с кафедры и, смотря себе под ноги, медленно двинулся к последнему ряду, где он сидел. Председатель сказал:

– Спасибо, Никита Семёнович. Есть ещё желающие выступить? Нет? Тогда я, Виктор Александрович, предоставляю Вам заключительное слово.

Лавров встал и подумал: «А ведь, правда, это мой звёздный час, мой праздник». Он вышел к кафедре и начал говорить.

Как он говорил! Как он говорил! Он расстреливал Баркова спокойно, по пунктам обвинения, которые он запомнил во всех деталях и интонациях на всю свою жизнь. Говорил именно так, как и нужно было говорить в этих «предложенных обстоятельствах»: негромко, вежливо, с дипломатической тонкой улыбкой Талейрана, не торопясь и не глотая слов. Установилась такая тишина, что и представить невозможно. Люди просто оцепенели – это Витя видел по лицам. Люди слушали его, как Левитана, который объявлял Победу.

Витя успел между предложениями посмотреть на Катю, она Лаврова не видела, потому что закрыла лицо руками. Она только слушала, боясь помешать себе слушать даже взглядом на мужа, которым гордилась и восхищалась. Он ответил! Ответил, и как! С каким достоинством, умом, сознанием своей правоты и внутреннего гневного негодования на подлость предыдущего оратора. Витя видел и Безуглова, который тоже не смотрел на него, боясь пропустить слово. Ладонь его левой руки лежала на лбу, и Лавров тут же, где-то в глубинах подсознания вспомнил: «Мазстро, не убирайте ладоней со лба». После краткого упоминания последнего пункта речи Баркова Витя сказал:

– Теперь, действительно, в заключение своего выступления я хочу поблагодарить всех, кто мне помог, кто был добр и справедлив ко мне. Дорогой Андрей Петрович, большое спасибо. И Екатерине Сергеевне Лавровой спасибо.

Больше говорить он не мог, горло перехватило, он испугался публичных слёз и поспешил сесть на своё место. Сел и взглянул на Председателя и учёного секретаря. Они с восхищением смотрели на него. Лавров понял, что выступил верно.

Процедура продолжалась. Выбрали счётную комиссию, Витя подошёл к Кате, она без слов взяла его под руку и они вышли из зала. Она молчала, просто смотрела на него мокрыми глазами. Через пять минут голосование завершилось, учёный секретарь вышел и вызвал Лаврова для оглашения результатов. Восемнадцать членов совета единогласно проголосовали «за». Это была безоговорочная, честная победа, это был самый большой, самый заслуженный праздник в его жизни. Он защитился от подлости, от подлой зависти, страшно было подумать о том, что было бы, если бы он промолчал. Всю жизнь бы мучился и проклинал себя. Лавров пригласил членов совета на банкет. Теперь они подходили к нему, целовали, поздравляли, крепко жали руку, обнимали, хлопали по плечам – совершенно искренне, это было видно. Вдруг Катя увлекла его куда-то в коридор и ещё дальше в темноту третьего этажа. Там было пусто, Катя остановилась, обняла его и стала целовать. Бесконечно, неистово. Сейчас она не думала о помаде, о его костюме, о его рубашке, не до этого было... Ей как-то до сих пор не приходилось видеть, что он может быть таким – сильным, бесстрашным. Какое счастье, что жизнь свела меня с ним – вдруг подумала она с неожиданной, новой для себя ясностью. Она была действительно совершенно счастлива. Это был и её праздник.

На банкет пришли все (все!) члены

совета, чего сроду не бывало. Хоть на полчаса, но все. Активно, очень активно выпивали, душа требовала, они были пожилые, умные люди, поэтому понимали, чему они сейчас оказались свидетелями: мужества, несгибаемости, презрения к зависти. Они бы сейчас и докторскую степень ему присудили. Но всем всё же надо было домой, был уже вечер и через полтора часа всё кончилось. Витя с Катей сложили остатки еды и немногие бутылки в кульки и поехали на такси домой. На банкете оба практически не ели и не пили, как-то не лезло. А дома Катя накрыла стол. Они сели, разлили коньяк, она смахнула слезу:

– Витька, ты – моя гордость. Я люблю тебя и уважаю тебя безмерно. Твоё здоровье, победитель. За то, что ты не прогнулся, решился, наплевал на традицию, а как ты говорил! Откуда у тебя эти слова, этот снисходительный тон взялся? Боже мой! А какая ситуация была, не дай Бог! Умница, мужчина, учёный – без сомнения. Теперь – малыш у нас будет. Назовём его Витя или Вика в твою честь. Пусть будет Виктор Викторович или Виктория Викторовна. Я твёрдо это решила ещё там, когда ты кончил говорить. Давай выпьем и снова нальём, как поётся в хорошей песне. Очень выпить хочется.

Славик

Анатолию Шалину

Что имеем, не храним, потерявши – плачем. Эта русская народная аксиома приложима ко множеству явлений жизни, но особенно – к нашей молодости. Она пролетает, не осознанная нами, как эквивалент счастья, а в сорок лет понимаем, что потеряли и касаемся краем платочка уголка глаз. В общем, конечно, всё логично. Об этом ещё Александр Сергеевич (только не Пушкин, а Грибоедов) писал: «Счастливые часов не наблюдают». И так было и будет всегда – до нас, с нами и после нас.

Студенчество – светлая, радостная пора в жизни. Мы в общем были уже взрослые, но ещё не обременённые непростыми ежедневными заботами о своей семье, о сложных взаимоотношениях с коллегами по работе, о болезнях стареющих родителей, которым пока было лет по пятьдесят и они в общем были ещё здоровы. Сейчас многие из нас (если не все) отдали бы очень многое (если не всё) за заботы о получении зачёта или сдаче экзамена, за осенние «экскурсии» «на картошку», за пререкания на повышенных

тонах с вахтёром и деканом. Да разве всё перечислишь, любой бывший студент с ностальгической потерянной улыбкой продолжит этот список... Да, улыбка сквозь слёзы, слёзы сквозь улыбку...

Товарищей у меня было немного, человека три, но самым близким был Славик. Он был приезжий – из города, носящего фамилию революционера и государственного деятеля Сергея Мироновича Кирова. По национальности (это было время, когда ещё существовал пресловутый «пятый пункт») он был немец по отцу, а мама принадлежала к титульной национальности нашей республики. Поэтому она возглавляла училище, очень популярное среди провинциальных более или менее интеллигентных семей, потому что в столичное училище этого профиля их дети не поступили бы по причине слабой профессиональной подготовки. Не вдаваясь по известным причинам в детали, просто констатирую факт: семья Славика была фундаментально обеспечена, и когда Славик (по тем же общеизвестным причинам) поступил в столичный вуз, то регулярно, два раза в месяц ходил на железнодорожный вокзал, где один и тот же улыбчивый проводник вручал ему большую картонную коробку, заклеенную синей изолентой по швам и перевязанную несколько раз верёвкой, чтобы было удобно нести.

Это были продукты эксклюзивного качества: сало, сметана, сыр, яйца, хлеб, консервы, варенье (одно запомнилось навсегда – из белой черешни с маленьким орешком в каждой ягоде), иногда шикарные иностранные спиртные бутылки, масло, фрукты, овощи... Никакие столичные магазинные и даже рыночные съестные товары не выдерживали конкуренции с содержимым этих коробок. Владислав Мюллер был нормальным, честным парнем и очень часто звал друзей (меня – каждый раз) на дегустацию с последующей ликвидацией немалой части провинциальных деликатесов, которые и не снились нам, столичным аборигенам. Для их (деликатесов) качественной сохранности Славика был куплен редкостный в ту пору финский холодильник «Розенлев» (воспетый в «Кавказской пленнице»), а для сохранности головы и тела – норковая шапка-ушанка и настоящая дублёнка. Таких вещей ни у кого из студентов нашего вуза не было. Жил Славик один в большой частной квартире, а не в общежитии, где жили остальные приезжие студенты. Причем квартира была оснащена потрясающим специальным оборудованием для профессиональных занятий Славика.

Расскажу несколько эпизодов из нашей жизни в вузе. Эти истории, что уж

тут греха таить, некоторым образом свидетельствуют о том, что Славик имел ряд пробелов в общекультурном развитии по причине рождения и проживания семнадцатилет в захолустной городке. Но читатель ни в коем случае не должен подумать, что я хочу осудить нашего героя. Ни в малейшей степени, честное слово. Наоборот, с течением времени память о тех забавных историях становилась всё более трогательной и, я бы сказал, щемлящей. Хороший он был товарищ, своими деньгами не кичился, займы всегда давал и никогда не напоминал о долге. Если отдавали, брал, а если не отдавали, молчал. Вот потому что молчал, было стыдно не отдать. Славик был к тому же был хорош собой – высокий, худой, немного похожий на Тихонова в «Семнадцати мгновениях весны». Такой же тип.

Как-то вечером Славик звонит мне и говорит:

– Лёня, можешь прямо сейчас прийти ко мне? Я ещё не ужинал.

– Ну, ужинай... Я-то зачем тебе нужен в столь интимном процессе?

– Да, в общем незачем. Если не принимать во внимание моё сердечное сочувствие твоим порочным наклонностям.

– Да что ты темнишь? Никаких порочных наклонностей у меня нет, не было и не будет. Не нужно мне приписывать собственные неискоренимые черты далёкого от идеала облика с вышеназванными наклонностями.

– Ну, смотри... Дело хозяйское. Попутно на полях отмечу, что сегодня мать мне прислала бутылку французского коньяка. С посланием: «Всё равно у вас без выпивки не обходится. Так что хотя бы пей приличные зарубежные напитки, а не дешёвую отравленную бормотуху. Мы с папой просим тебя только об одном – занимайся, учись как следует, не копи “хвосты”. Это – главное, а не коньяки и вина. Надеюсь на твоё благоразумие. Мама».

– Славик, ты родился в высококультурных, интеллигентных, разумных, далёких от ханжества условиях. Выражаю тебе искреннюю признательность за приглашение в столь впечатляющем контексте ингредиентов грядущего ужина. Уже одеваюсь и иду кланяться у родителей деньги на такси.

– А без французского коньяка ты бы, конечно, отказался навестить печального изгоя, покинувшего родные пенаты в поисках высшего образования?

– Нет, не отказался бы. Но решение навестить изгоя без коньяка далось бы с большим трудом. Славик, мы теряем время.

– Будешь просить бабки, проси не

только на такси, но и на хлеб. У меня хлеба нет, а идти некогда. Могу я попросить тебя купить чёрного хлеба в контексте перспективы откусать не менее двухсот пятидесяти граммов французского коньяка?

– Я, пожалуй, откликнусь на твою просьбу, несмотря на некоторую стеснённость в средствах. Знай мою доброту, бескорыстие и заботу о твоём хлебе насущном.

– Ну, спасибо, искренне тронут. Ты – настоящий друг, помог мне в беде. Ладно, кончай трепаться. Жду тебя через полчаса. Начинаю готовиться к визиту высокого гостя.

Я рванул к родителям, сказал, что Славик принесли потрясающие конспекты лекций по истории искусств на два часа, поэтому нужно два рубля на такси туда и обратно и пятьдесят копеек на хлеб. Мне дали пять (!) рублей, потому что: «Надо купить Славика что-нибудь поесть. Бедный, он же один живёт. И, конечно, плохо питается. Купи сосиски, зелёный горошек и лимонад». Гуманизм и добросердечие родителей не могли не взволновать моё чуткое на ласку сердце. Даже стало чуть-чуть стыдно за своё враньё, но мне удалось справиться с этими угрызениями.

Через двадцать минут Славик открыл мне входную дверь, держа в руке свой фирменный швейцарский нож «Victorinox». Войдя на кухню, я увидел, что Славик режет шикарный шматок сала. На столе лежали пять картофелин.

– Славик, ты хочешь французский коньяк салом с картошкой закусывать?

– А почему нет? Сало отличное, домашнее. И селёдка есть, для неё и картошка.

Я промолчал, не в силах представить себе такое эклектическое сочетание продуктов.

– Давай, включайся. Зная твою расположенность к чистке картошки, я поручаю тебе эту ответственную процедуру.

Через полчаса мы сели за стол. На нём стояла сковородка с жареной картошкой, кусочки сала, посыпанные дольками чеснока, селёдка с кольцами лука и тарелка с чёрным хлебом. Аккомпанемент к гвозддю программы был выдержан в патристическом стиле в соответствии со Славкиными представлениями о прекрасном. Не хватало главного. Славка пошёл в комнату и вернулся с чёрной картонной коробкой с крупной надписью «Hennessy». Это впечатляло. Мы стали с аппетитом ужинать и выпивать этот диковинный для СССР напиток. Он, действительно, был потрясающий – мягкий, масляный. Можно было даже не закусывать. Но мы были голодны и активно закусывали.

Сейчас я, конечно, улыбаюсь, вспоминая «Hennessy» в славянском фольклорном сопровождении. Внешний вид нашего стола совершенно «реально» служил буквальной иллюстрацией к словам вышеупомянутого Александра Сергеевича – «смешенье французского с нижегородским». Я улыбался, но про себя, конечно. И запомнил, как видите, на всю жизнь. И потому, что впервые попробовал французский коньяк (в гранёном стакане) с новаторской для гнивающей Франции закуской.

Действительно, у Славика сложно складывались отношения с зарубежными феноменами. С лингвистическими, в частности. Мы, как и все, изучали английский язык. Вероятно, немецкий был бы для Славика генетически доступнее, но с английским было трудно. В родном для Славика населённом пункте ставились пятёрки по английскому уже тем, кто мог без запинки сказать «Гуд морнин» и «Хау дуо ду». Но зачёт надо было как-то получить, отрабатывать французский коньяк и норковую шапку. Славик попросил меня, более или менее знавшего английский, помочь. На зачёте надо было своими словами немного рассказать об одном из десяти композиторов – на английском.

– Лёнька, ты мне русскими буквами напиши только цифры – когда кто родился и когда умер: например, Шостакович воз борн ин..., Шостакович дайт ин... А в середине я скажу шикарную фразу – Борóдин воз э грейт композа энд аутстандинк кемист.

– А причём здесь Борóдин к Шостаковичу?

– Тупарик, будет улётная связка. Например, попадаете мне тот же Шостакович. И я небрежно, с оксфордским акцентом начинаю после «воз борн»: «Шостакович лайкт Борóдин вери мач. А потом уже – Борóдин воз э грейт композа... Шостакович дайт ин...» Улавливаешь железную логику? Зачёт поставит, куда не денется. Этого хватит. Вон сколько слов на английском я употребил. И в том числе такое длинное – аутстандинк... Ты перевод знаешь? Учись, студент! Аутстандинк – значит, стоящий в ауте. Ты, что, в футбол никогда не играл, не знаешь, что такое аут?! (Честно говоря, я знал, что такое «аут» и что такое «аутстандинк».)

Логика была железная, но улавливал я плохо. Меня что-то смутно смущало, хотя я не понимал, что именно... В чём же эта логика не срабатывает? – думал я. И вдруг меня осенило.

– Ладно, Мюллер, цену твою смекалку. Но вот в чём вопрос... Что ты будешь

делать, если тебе попадётся Бах или Моцарт?

– А в чём разница? Чего ты цепляешься?

– Слушай, искусствовод, как Баху, Моцарту или Бетховену мог нравиться Борóдин? Они же жили на сто лет раньше, чем аутстандинк... Соображаешь?

Славик соображал. Это было видно по его германской физиономии. Такое её выражение я видел редко. Он замолчал на целую минуту – он думал. Потом уверенно сказал:

– Тебе не откажешь в аналитических способностях. Но я их в гробу видел, как и твоё изодрённое мышление, которое свойственно высокообразованному эрудиту, каким ты, к сожалению, являешься – правда, с букетом вредных привычек. Англичанка Виолетта Ивановна с тобой в искусствознании не сравнится. Даже близко к тебе не ляжет, не говоря о дальнейших инициативах. Обойдётся, плевать. Много она знает, кто когда родился и в каком веке творил?

– Но не до такой же степени она не догоняет...

– В такой, именно в такой. Она такая же Виолетта, как я – Тарас Бульба. Ивановна же побоится попасть впросак перед специалистами в этой области – без пяти минут учёными и крутыми профессионалами. Лишь бы наши не заржали. Так что не умничай и никому из наших не растрепись. Напишешь?

– Напишу, но за успех твоей афёры не ручаюсь.

– А ты без этого ручания напиши. Всё равно пойдёшь подельником, если уж я с тобой посоветовался, а ты на меня не донёс. А что ты не донесёшь, я знаю, уверен в твоей врождённой порядочности.

Я, конечно, написал – мне тоже нужно было отрабатывать свои двести пятьдесят граммов «Hennessy». Вынужден признать, что смелая идея имела успех, и зачёт Славик получил. Вот что значит уверенность в своих силах и отсутствие комплексов. Поэтому Славика повезло, и он вытащил билет с Римским-Корсаковым, которому по счастливому стечению исторических обстоятельств вполне мог нравиться Борóдин. Вот так вот, смелость города берёт и пули не боится. На банкет по поводу получения английского зачёта Славик не поскупился. Повод был весомый: сам зачёт, готовность рискнуть ради покоя родителей, посылная дружеская помощь.

У нас был предмет – «изобразительное искусство». Преподавала его злая старая дева Изабелла Юрьевна Абезгауз, которую мы называли «Вино без газа».

Типичный пример «синего чулка» – вечно одетая в мятые обноски, без тени косметики на увядших ланитах, в заплатанных туфлях образца тридцатых годов и к тому же бесконечно курящая «Беломорканал». Но ей была подвластна живопись всех времён и народов без исключения, даже египетские настенные росписи. Людей и тем более студентов она не любила по причине неудавшейся личной жизни, поэтому вечно конфликтовала с кем-нибудь из педагогов (по очереди с каждым) и лютовала на экзаменах, высмеивая наши скудные знания о Рубенсе и Айвазовском.

...Шла очередная лекция по изобразительному искусству, ничего экстраординарного не предвещавшая. Лекция как лекция. Последняя пара, после неё свобода, улица, солнце, пиво... Мечта поэта. Лекция была посвящена так называемому «парному портрету» – два портрета одного размера близких родственников, например, графа и графини, герцога и его сына... Эти портреты обязательно висят на стене рядом друг с другом. В аудитории было спокойно, но скучно. Все следили за минутной стрелкой часов... и вдруг грянул гром, тайфун, торнадо, смерч!

Дремавший Славик очень спокойно и негромко (но, как на грех, все в аудитории его услышали, потому что было очень тихо) сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, а просто внося ясность в теоретическое исследование «парного портрета» и приводя общеизвестное его наименования:

– Да, парный портрет – жанр распротранённый. Иначе называется «парнография».

В этот момент с лицом Изабеллы Юрьевны стали происходить необратимые изменения. Оно сначала побледнело, то есть стало белым (как в японском театре), белый цвет плавно трансформировался в зелёный, а зелёный сменился ярко-пунцовым. Преподавательница страшным шёпотом в звенящей тишине обратилась к Славику:

– Владислав (тут она взглянула в журнал Генрихович, что Вы сказали? Вы отдаёте себе отчёт в Ваших словах?

Ничего не подозревавший Славик ответил:

– Отдаю. Парный портрет – это парнография. Само слово говорит о его смысле: графо по-гречески «пишу». Парный – двойной... Итак, пишу двоих. Это и ежу понятно.

– А если на полотнах изображены три персоны – это уже не будет «парнография»?

– Конечно, нет (и Славик снисходительно улыбнулся, эта улыбка и сыграла решающую роль в этой драме).

Изабелла внезапно завопила колоратурным тенором, абсолютно уверенная в том, что Владислав Генрихович откровенно и, что уже совершенно нестерпимо, при свидетелях издевается над пожилой женщиной:

– Вон! Вон из моего класса! Паяц! Что Вы себе позволяете?! Я – немолодая женщина, профессор в конце концов! Вы не нашли другой объект для злой насмешки? Чтоб я Вас больше не видела до экзамена! Вон, повторяю!

Теперь радуга расцветала на физиономии Славика. Ничего не понимая, ошарашенный и раздавленный более чем странной реакцией на своё теоретическое дополнение, Славик взял портфель, медленно пошёл к двери и тихонько закрыл её за собой. Я решил, что надо всё же вступить, «Вино без газа» зря сходила с ума.

– Изабелла Юрьевна, простите меня, но Мюллер никоим образом не хотел Вас оскорбить. Он относится к Вам с огромным уважением, поверьте мне...

Договорить мне не удалось. Профессорша на этот раз негромко зашипела:

– И Вы с ним?! Я не позволю ни ему, ни Вам меня прилюдно унижать! Убирайтесь вслед за Мюллером! Чтоб ноги Вашей не было в моём классе до экзамена! Подите прочь! Ничего у Вас не выйдет! Я напишу докладную ректору! Прочь!

Я встал, взял свой «дипломат» и вышел. Славик стоял у двери, он слышал наш разговор с «Вином без газа». Он подал мне руку, благодаря за поддержку. Вся комичность ситуации была в том, что Славик совершенно не ставил своей целью глумиться над Изабеллой. Он воистину верил, что «парный портрет» – это по сути «порнография», только пишется через «а». Он искренне так думал. Он не подозревал, что в основе этого слова лежит не «пара», а «порно» – по-гречески «развратница». Получается – «пишу развратницу». Вот такая трагическая игра слов, что делаешь... Я объяснил это Славику, он схватился за голову, поняв, что подумала Изабелла Юрьевна о его «разъяснении» – откровенная, но изощрённая, якобы «искренняя», издёвка над женщиной, никогда не бывшей замужем! Кошмар! Как она вообще нас не убила на месте! Утешало одно – мы (то есть Славик) действительно не хотели обидеть «Вино без газа». Он чистосердечно заблуждался. Но что же нам было делать? Ясно, что. Готовиться к экзамену. Больше ничего не оставалось. Готовиться так, чтобы перепрыгнуть через себя. Забыть обо всём – о всех предметах, о специальности, о кино... На кону стояло наше пребывание в вузе в функции студента. Родители не пережили бы

нашего отчисления. Конечно, «Вино без газа» будет мстить – последовательно и жестоко.

Экзамен состоял в том, что студент по-своему желанию должен выбрать себе любого живописца и рассказать о его жизни и творчестве. И ответить на вопросы об этом художнике. Вопрос для нас был в том, кого выбрать, чтобы не засыпаться. Мы долго думали и выбрали Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, то есть Джорджоне. У него было, как будто, всего семь картин, самые значимые мы «вызубрили» на сто один процент. Как и биографию (особенно тщательно мы в наши двадцать лет анализировали «Спящую Венеру»... кто бы мог тогда подумать, что спустя чуть меньше, чем полвека я своими глазами увижу эту нашу Венеру в Дрезденской галерее?) Если «Вино без газа» задала нам хотя бы один вопрос о других живописцах, мы бы гарантированно провалились. Но мы верили, что Абезгауз – порядочный человек и своему слову не изменит, даже ненавидя нас всей душой.

Экзамен прошёл спокойно, мы получили искомые «четвёрки», но не обошлось без малоприятных для нас деталей. И у Славика, и у меня.

Я пошёл первым и «отрапортовал» о Джорджоне. Изабелла, уже поставив в зачётку «четвёрку», спросила меня:

– Перед тем, как мы прощаемся, скажите, что Вы думаете о происшедшем на той лекции?

Я предвидел этот вопрос и серьёзно готовился к ответу. После долгих раздумий я решил «блеснуть» знанием классиков и ответил цитатой из всё того же Александра Сергеевича. Я как бы задумался, потом не спеша отвёл правую руку в сторону, посмотрел на потолок и начал вполголоса проникновенно декламировать:

«Не образумлюсь... виноват,

И слушаю, не понимаю...»

Дальше блеснуть не удалось. Изабелла ясно сказала «Достаточно», а про себя, но так, чтобы я слышал – «Комедиант!» И опять громко «Вы свободны». И я ушёл, с одной стороны, довольный результатом, с другой – уничтоженный презрением.

Удалось «блеснуть» и Славiku. Даже более «эффектно». После получения «четвёрки» «Вино без газа» задала ему тот же вопрос, что и мне. Славик опять прибёг к иностранному языку, чтобы реабилитировать себя за «парную» порнографию. Он ответил:

– Прошу прощения. Конечно, сказанное мной тогда нельзя назвать хорошим «моветоном» (он думал, что «моветон» обозначает изысканные манеры, умение вести себя в обществе).

«Вино без газа» только улыбнулась и

учтивым жестом показала на дверь. Славик, выйдя, всё мне рассказал, гордясь своей эрудицией на этот раз в области французского языка. Я растолковал ему, что он сказал. Славик побледнел, но за голову не хватался – «четвёрка» красовалась в его зачётке. Уходили мы домой (вернее, в шашлычную) в подавленном состоянии. Радость от того, что нас не отчислят, ощущалась как-то смутно. На душе было пасмурно. Жизнь дала нам хороший урок – не нужно выпендриваться, особенно перед умными людьми, и употреблять иностранные слова, не зная их точного смысла. Даже купили словарь иностранных слов в букинистической лавке... А жизнь продолжалась. Она всегда продолжается, чтобы ни случилось.

Мы получили высшее образование, дипломы, сходили в армию и начали работать. Судьба складывалась у нас по-разному.

Славик женился – очень удачно. Они с Леной жили мирно, хорошо и родили двух дочерей – Эмму и Таню. Славик спокойно работал, всё было благополучно. У меня – иначе.

Я встречался с девушкой. Её звали Зара. Мы познакомились во время подготовки к капустнику, который мы делали со Славиком. И всё было очень счастливо. После учёбы меня, Лёню Григоряна, распределили в один из районных центров. Было ясно, что мы должны пожениться и уехать вместе. Ей нужно было перевестись на заочное отделение и последний год проучиться, живя и работая вместе со мной в одном училище. Это было ясно, просто и само собой разумелось. Но ничего из этого не получилось. Жизнь нас разлучила. Для меня это был тяжёлый удар – Зара мне очень нравилась. Она тоже нежно и любовно ко мне относилась – она же сама подошла ко мне и начала наши отношения. Но мы расстались. Мне было совершенно не ясно, почему так получилось, пока Славик, уже когда прошло некоторое время, не раскрыл мне глаза. Вот как это случилось – по порядку.

В одно из наших последних, по моим расчётам, свиданий перед ЗАГСом и отъездом мы, как обычно, встретились у её подъезда. Зара была почему-то заплаканная и сказала:

– Я не хочу в кино. Давай просто посидим на бульваре.

– Как хочешь. Пойдём, посидим. Мороженого хочешь?

– Нет.

Мы нашли уютную скамейку не на садовой оживлённой аллее. Я обнял Зару, она положил голову мне на плечо. И молчала. Как-то странно молчала. Я решил не лезть

с вопросами и подождать, пока Зара сама не начнёт разговор. Я чувствовал, что вероятно, надоел ей своими бесконечными деловыми выкладками о дате свадьбы, о дате отъезда и т. д. Через некоторое время Зара заговорила:

– Лёничка, я не могу выйти за тебя замуж. Не могу поехать с тобой (она села ровно и говорила, смотря перед собой). Не могу, хотя очень люблю тебя. Но так складываются обстоятельства. Я не могу ничего сделать.

– Что случилось? Что ты говоришь? Объясни мне... Нельзя же так просто расстаться... после таких планов, после таких «мечт»... Чем же я тебя обидел? Что изменилось после вчерашнего дня? Мы ходили на концерт... Что такое? Всё же было между нами решено... и ты сама этого хотела... Что произошло?

– Лёня, я должна была сказать тебе вчера. Не сумела. Больше не могу. Ты будешь всегда в моей жизни. Прости меня, хотя как можно простить меня? Я понимаю, что поступаю ужасно... Сейчас я поцелую тебя и уйду. Если не умру по дороге. Я не могу объяснить тебе, мне стыдно. Прости меня. Ты замечательный человек. Я была по-настоящему счастлива с тобой.

Она повернулась ко мне, обняла меня и долго целовала моё лицо, руки, волосы... И убежала. Я остался на скамейке, не зная, что делать... Как теперь мне жить? Ну, что же, всё на свете кончается, вот и у меня кончилось, но как-то не по-человечески, дико...

Я понял, что ничего не поправишь, скандала не было (его никогда не было между нами), прощения просить ни ей у меня, ни мне у неё не за что. По тому, как она говорила и как меня целовала, было ясно, что это – не каприз, не кокетство. Это – решение. Судьбоносное решение. Нужно смириться, не искать ещё одного объяснения и исчезнуть из её жизни навсегда. Не унижать её и себя мольбами и слезами. Расстаться – так расстаться. Но я всё же решил написать ей последнее, прощальное письмо. Написать письмо, а не звонить. Разговаривать было уже невозможно. Нужно написать письмо. И я написал его. Не очень длинное, не слезливое, не трагическое, но очень тёплое, ласковое. По делу написал вот что – я буду тебя ждать год. Если ты изменишь своё решение и приедешь, я буду счастлив. Там поженемся. Всего тебе хорошего. Я очень тебя люблю. И никогда тебя не забуду. До свидания.

Через месяц я уезжал. Меня провожали родители. И Славик пришёл. Прощание было грустное. И родители, и Славик были в курсе моей передыжки и пережива-

ли за меня. Я их всех поцеловал, они поцеловали меня, и я прошёл в своё купе, сел у окна. В купе пока больше никого не было. Я помахал рукой родителям и Славику, которые стояли под окном. Поезд тронулся. И вдруг я увидел Зару. Она стояла вдалеке. Просто стояла. Не махала рукой. Не двигалась. Но, по-моему, у неё текли слёзы. Конечно, она постеснялась подойти попрощаться, подозревая (и справедливо), что все трое знают о её поступке. Да и если бы не знали, как прощаться с человеком, которого ты бросила, которого ты предала безо всякой причины? Стыдно, неловко, лицемерно. Всё это она понимала, так что присутствие родителей и Славика было непринципиальным фактором. Мне стало и горько, и всё же как-то теплее на душе. Она пришла... Как она узнала, когда я уезжаю, было непонятно. Но это уже было неважно. Поезд набирал скорость. Я поужинал маминой жареной курицей, запивая её принесённой Славиком чекушкой коньяка, которую он мне незаметно для родителей передал на платформе. Он оказался очень кстати после оконного свидания.

Зара не приехала. Я ждал письма, звонка, иногда просто ходил на вокзал к приходу поезда. Как будто пришёл её встречать. Нет, она исчезла. Понятно, что сам я не звонил и не писал ей. Год прошёл. Я как-то справился, перемучился, перетерпел. Работал много, ходил в спортивный зал, к новым знакомым, обживал однокомнатную квартиру, которую мне дали... и ещё много чего, читал бесконечно, на два-три дня ездил к родителям, виделся со Славиком. Как-то разговор зашёл о Заре. Я уже мог говорить на эту тему.

Славик поставил на стол пустую рюмку, которая пять секунд назад была наполнена коньяком. На кухонном столе лежал шоколад, жёлтый сыр, красная икра, паштет, лимон... Ну что ж, Славик превратился в столичного жителя. Помолчав немного, он, не смотря мне в лицо, стал говорить:

– Лёня, мне наши девчонки с курса рассказали, в чём было дело. Если ты хочешь это услышать... если у тебя есть силы это услышать...

– Говори.

– Лёнчик, ей запретили родители. Сказали, что проклянут, если она выйдет за тебя. Что она больше не будет их дочь. В общем, всё, кранты. Вполне серьёзно. Без хохмы, без вариантов. Ультиматум. И она не смогла им отказать, послать в известном трёхбуквенном направлении. Она предпочла отказаться от тебя. Человек плыл по течению. У неё был, был выбор. И она его сделала, хотя и очень страдала.

Но так оказалось для неё всё же проще, чем уехать с тобой. Хотя, когда бы она родила какого-нибудь пухленьыша, родители бы никуда не делись, как миленькие признали ваш брак и детёныша. Её просто взяли на мушку, и она прогнулась, хотя очень тебя любила. Но – предала... Какая тогда цена этим слезам? Никакой цены нет, они, можно сказать, бесценны – в исходном смысле слова. И хорошо, что ты на ней не женился. Не надёжна она, могла бы предать. Не жалеи, забудь, живи новой жизнью. У тебя всё сложится, вот увидишь. Давай, разливай, что-то у меня в горле пересохло от этой весёлой песни.

Я разлил, пытаюсь осознать информацию. И понял, что она всё же на даёт ответа на вопрос – почему? Только его надо задать родителям, а не Заре. И я спросил:

– А почему её родители запретили выйти за меня? Чем я их не устроил? Что я им плохого сделал?

– Ты действительно хочешь это узнать?

– ... твою..., ну что ты за...? Сколько можно мозги..?

Славик немного помолчал, потом отвлёк глаза и тихо сказал:

– Твоя фамилия, твоя национальность.

– А.., вот в чём дело... Боже мой! Боже мой! Вот в чём я виноват...

– Ты меня прости за эту правду, за эту поганую мразь. Не могли они допустить, что их внук будет Григорян. Я подумал, что лучше всё же тебе знать, чем не знать... и мучиться в неизвестности всю жизнь. Суки они, суки. Вы же любите друг друга. Это было за версту видно без очков. Теперь ты знаешь всё. Твоё здоровье, Лёничик. Надеюсь, ты умеешь держать себя в руках. За твой новый парный портрет.

Держать себя в руках я научился, живя один и переживая все события на работе (и круглосуточное ожидание Зары) только с самим собой. Родителям я всегда говорил, что у меня всё в порядке. И даже голосом владел – радостным и беззаботным. Зара и её ортодоксальная семья принадлежали к титульной национальности, я – нет. Хотя я им ничего плохого не сделал, но брак со мной их дочери был для них совершенно невозможен, как говорят, «по определению». Тут требовалось преодолеть не личную неприязнь, а вековые исторические преграды. Как говорят в американском кино, ничего личного. Даже если бы мы жили в гражданском браке, они бы так жёстко не реагировали. Но отдать официально дочку за Григоряна было исключено. Они, видно, до конца надеялись, что мы разбежимся сами, без их участия. Но вот не разбежались. И тогда в последний решающий момент они пошли на ультиматум. В то же время

мои родители полюбили Зару, она часто приходила ко мне, мы все вместе обедали, смотрели телевизор, разговаривали... Мне стало теперь понятно, почему Зара меня в свой дом не звала. Ни разу не пригласила познакомиться с родителями, с братом... Я старался об этом не думать. Мало ли что... Какое это имело значение? Я же на Заре собирался жениться, а не на её родителях. Оказывается, это было не случайное звено в логической цепи, которому я не придавал никакого значения. Да и неловко мне было спрашивать Зару – почему ты меня домой к себе не зовёшь? Понятно, что сказать мне правду на той скамейке она не могла – было стыдно и за своих родителей, и за своё подчинение им, влекущее за собой расставание со мной навсегда. И так, я получил ответ и, конечно, хорошо, что я его получил. Неизвестность хуже всего.

С той поры прошло много лет. Мы со Славиком не расставались никогда. Через лет десять я женился на очень хорошей девушке. Мы дружили семьями: Славик с Леной, и мы с Ирой. У нас родился мальчик, и всё в общем было хорошо. После того, как я три года честно проработал в районном центре, меня без злости, а, наоборот, с благодарностью, по-доброму проводили домой. Я устроился на хорошую работу – близко к дому и с приличной зарплатой. Разумеется, когда мы встречались вчетвером, о Заре не упоминали. Но и тогда, когда мы встречались со Славиком один на один, о Заре не говорились ни слова. Это было запретное имя и запретная тема. Как сложилась её судьба, я не знаю. Да и зачем мне это знать?

Белла и Марио

Марку Федосееву

Я женился рано, в двадцать лет. С Наташей, будущей моей женой, мы до свадьбы встречались один год. Честно говоря, я тогда и сейчас не очень хорошо понимал и понимаю, что такое любовь, хотя все вокруг бесконечно твердят «любовь, любовь, любовь»... И говорят, и стихи читают, и песни поют, и балеты танцуют, и картины рисуют... Может, они точно знают, что такое любовь, а я вот неточно. Зато я очень точно знаю, что такое «нравится». Это когда ты глаз оторвать от человека не можешь, когда видишь его, а потом вспоминаешь его все время, днем и ночью, когда не имеет никакого значения, о чем с этим человеком разговариваешь, просто

приятно с ним о чем угодно разговаривать, когда ты очень хочешь этого человека увидеть, чтобы он прямо сейчас в дверь вошел или из-за угла вышел... а когда он в эту дверь, наконец, войдет, тебе, кроме него, никто на свете не нужен. Еще нравится, как он улыбается, смеется, голову поворачивает, просто на тебя смотрит...

Так у меня с Наташей и было. Как у нее было со мной, точно не знаю. Но, думаю, так же. Мы оба огнем горели, а не то, что один горел, а другой просто у этого огня грелся. Мы уже на втором месяце наших встреч целовались до одури, а на третьем уже не только целовались. К концу года с начала нашей истории как-то одновременно возникли два обстоятельства: одно духовное, другое материальное. Первое состояло в том, что встречается в жизни молодых людей очень часто – им просто ужасно надоедают все эти свидания... встречаться «под часами», ходить в кино, есть мороженое, смотреть на часы, не пора ли идти домой, чтобы не было очередного скандала с родителями по поводу позднего прихода... Все больше и больше не хочется расставаться вечером, а идти в общий дом и там жить вдвоем. Это кажется таким счастьем, что перевешивает все доводы разума: ты только на втором курсе, поэтому ничего не зарабатываешь, ты уже не будешь уделять учебе столько времени, сколько нужно, а будешь, сколько получается... а получится меньше, чем нужно. Но кажется, что после ЗАГСа наступит абсолютное счастье, и проблем никаких не будет. Главное, что мы будем вместе. Второе имело более конкретный характер в нашем отдельно взятом случае – Наташа, как говорили в старину, «понесла». Мы не думали, да и сама мысль об этом не возникала – я имею в виду, чтобы как-то предохраняться. Так что все было закономерно. Удивительно, что мы больше полугода продержались без залета. Тут уж раздумывать не приходилось. Это понимали мы, и это понимали родители. Поэтому никакого противодействия с их стороны не было. Даже наоборот. Я понравился ее предкам, она – моим. И мы поженились. Жили у меня.

Очень быстро стали вылезать все острые предметы в мешках: почему ты вещи свои разбрасываешь, когда приходишь... почему ты уже сорок минут говоришь по телефону... почему ты позволяешь своей маме делать мне замечания... почему нашу комнату не ты убираешь, а мама... И вот это «нравится» стало потихоньку исчезать. Уже не бросались друг к другу после рабочего дня, уже спали, от-вернувшись друг от друга, уже не смеялись без причины...

Родился ребенок и, как ни странно, ста-

ло еще хуже. Причина была странная, дикая. Я хотел девочку, а она – мальчика. Родилась девочка. Казалось бы, радоваться надо и быть счастливым, какая разница? Вот он или она лежит, такой (или такая) беззащитный, маленький, в складочках... а главное – это частица твоя, веточка твоя, листик твой, только твой и больше ничей... и счастье имя выбирать и на руки брать и радоваться: все, как нужно, по пять пальчиков на ручках и ножках, здоровый, какает вовремя, орет не целый день, ты зовешь его, он голову поворачивает, а придет кто-нибудь другой, позовет – а он голову не поворачивает, то есть чувствует разницу, улыбается тебе беззубым ртом... Ведь это и есть счастье. Он еще никого не обидел, ни одной ошибки не сделал, ни с кем не поссорился... Значит, он кто? Значит, он – ангел. А потом уже из ангела человек вырастает. А сначала – ангел. Вот это и есть самая святая пора для родителей, потому что он своими крылышками в это время и родителей в ангелов превращает. Что же в итоге получается? «Саграда фамилия» получается, «Святое семейство» и в Барселоне, и в Верхних Мырах. Ангел – он и есть ангел. У него даже деления нет на мужской и женский пол. Ангел – и все. Мальчик, девочка – какая разница. Лишь бы здоровый был.

Но Наташа думала иначе. Может, правда, не думала. Но чувствовала. Она даже не захотела имя выбирать, сказала: «Называйте, как хотите. Мне все равно». Ладно. Выберем без тебя. А какая девочка родилась красивая, одни ресницы чего стоят! Лицо не круглое, а овальное, не такое, как у Ольги Лариной из «Евгения Онегина» («кругла, красна лицом она, как эта глухая луна на этом глупом небосклоне»). Наша была как Катрин Денёв или Моника Беллуччи. Поэтому мы и называли ее – Белла! То есть прекрасная! И сокращенно очень ласково – Белочка! А все вместе звучало вообще сногшибательно – Белла Марковна Орлова! Но Наташу она с первого дня раздражала. Это было очень видно, если она и пыталась это скрыть, то плохо пыталась. И Белочка каким-то своим младенческим седьмым чувством это понимала и всегда хотела, чтобы я ее качал и спать укладывал. И ночью, когда плакать начинала, не успокаивалась, пока я ее к себе не возьму и руки на нее не положу, чтобы ей теплее было. И как-то в одну прекрасную ночь, когда я ей что-то как бы пел, чтобы она заснула, она вдруг совершенно инстинктивно, без моей помощи впервые в своей жизни обняла меня за шею своими ручками! Сама! Сама! Никто ее не учил. В нашей семье я был первым, кого она обняла. Знала ли она, что обнимает папу? Думаю, вряд ли.

Но совершенно точно, что она решила – первым человеком, которого она обнимет в своей жизни, будет человек, который ее любит! Она не ошиблась. Ангелы не ошибаются, они же маленькие Боги, которые летают и разносят благие вести.

Мы развелись с Наташей, когда Белле было три года. Жить вместе было невозможно. Это была уже не жизнь, а сплошное мучение. Белочка была не только самая красивая девочка, но и самая умная, если можно так сказать о ребенке. Она понимала, что мама с папой живут плохо, часто оставляют ее одну в большой комнате, а сами уходят в маленькую, закрывают дверь, и оттуда звучат их громкие голоса. Когда мы выходили, она бросалась ко мне на руки с мокрыми глазами. У меня сердце разрывалось, а Наташа хладнокровно проходила мимо по своим делам. Развод не приносит детям счастья, но такая жизнь еще хуже. Со временем я понял, что Наташа относилась ко мне все хуже и хуже по очень простой причине: потому что Бела – все лучше и лучше, а с ней была очень сдержанна. Мама ревновала, но... что посеешь, то пожнешь.

Тот день, когда Наташа с Белкой ушли, был ужасен. Конечно, не по причине расставания с Наташей. Белочка у дверей, сидя у меня на руках, крепко обняла меня и сказала шепотом: «Я всегда буду с тобой. Ну и что ж, что я здесь не буду жить? Все равно я всегда буду с тобой. Ты меня не забудешь?» Наташа не видела и не слышала это, вернее, не хотела видеть и слышать, поэтому вышла первая и ждала дочку на лестничной клетке. Родители тоже не видели, потому что без слез смотреть на это было невозможно... они ушли в комнату. Нас было только двое, но с одной душой и одной будущей жизнью.

Суд, конечно, оставил Белочку с Наташей, закон не входит в детали отношений, а всегда оставляет ребенка матери. Но я должен сказать, что по сути в наших отношениях с дочкой мало что изменилось. Мы встречались, сколько хотели. С оглядкой, конечно, на нашу работу, мою – в Институте, и Белочкину – в продленной группе детского сада. Очень часто я ее забирал из детсада, и мы шли обедать ко мне. Родители ждали Белу, и мама всегда жарила любимую Белкину картошку с жареным луком. (Между прочим, чтобы жареная картошка была вкусная, ее нужно обязательно после чистки и мойки посушить. У меня самого тоже очень вкусно получается.) А потом я отводил ее к матери – после обеда и чтения. Читали Пушкина, Маршака, Михалкова, Носова, Кэрролла... Белочка оставалась в продленке, как правило, только тогда, когда я ее не мог брать из-за работы или рабочих про-

блем: конференций, подготовки докладов, командировок... Если мы в какой-то день не виделись, то говорили по телефону два раза – днем и обязательно перед сном сказать друг другу «спокойной ночи».

Наташа не чинила никаких препятствий встречам Белочки со мной по трем причинам, как я думаю. Во-первых, она понимала, что Бела, хоть ей только четвертый год, устроит ей незабываемый «кордебалет» в случае даже намека на запрет встреч со мной. В принципе, она могла просто заявить, что отныне будет жить с папой. И точка. Наташа не могла пойти на это. Ей было бы стыдно перед нашими общими знакомыми, да и перед новыми своими. Белла Марковна Орлова умела быть абсолютно несокрушимой и плевать на все уговоры, улыбки, обещания и подарки. В три года это была уже Личность, сложившаяся в основных чертах Личность. Во-вторых, по причине времени, которое Белочка проводила со мной и моими родителями. Свет от любви Бела ко мне падал и на моих маму с папой, а нужно ли говорить, как они ее в самом натуральном смысле слова боготворили. В их душе я безоговорочно уступил место внучке. Наташа могла чувствовать себя совершенно свободным человеком, потому что прекрасно знала, что в любую минуту, даже вечером, может позвонить нам и сказать: «Зайдите за Белой, у меня срочное дело». Разумеется, никаких вопросов, что у нее за дело, ей не задавали. Наоборот, мы с ощущением счастья бежали за нашей красавицей. Таким образом обеспечивался полный простор для личной жизни Натальи Борисовны. В-третьих, деньги. Я и мои родители давали на Белу очень приличную сумму, которую Наташа фактически могла тратить на себя, потому что Белочка очень часто была с нами.

Прошло два года. За это время я совершенно отошел от жизни с Наташей и от воспоминаний о ней. Встречался с ней в совершенно спокойном состоянии, без любви и без ненависти, а как с хорошо знакомым человеком, которому ты благодарен. За что благодарен? Ясно, за что. За Беллу Марковну, «свет очей моих», «алмаз моего сердца», «сапфир моей души»... или что-нибудь в этом духе, как сказали бы в Дамаске или Хорасане. Все же она ее родила, не было бы Наташи, не было бы и Бела. Было бы что-то другое, а другого мне было не нужно. Не дай Бог, чтоб было что-то другое! Мне нужен был только этот свет, алмаз и сапфир.

Мне было двадцать шесть лет, и моя жизнь была прекрасна. В ней были три любимых человека и любимая работа. Личная жизнь у меня, конечно, была, но неорганизованная, случайная и на этот

раз предохранительная. Этой жизни у меня было немного, я не гнался ни за количеством, ни за качеством. Возникла она ни с того, ни с сего – в каких-то гостях, в каких-то командировках, в каких-то отпусках (в отпуск я ездил только с Белой, а ночью она спала, как всякий ребенок). Ни за кем я не ухаживал, никого не клеил, ни с кем по телефону долго и тихо не разговаривал.

Но как-то, я помню, в среду 21-го апреля в десять часов утра заведующий нашим отделом, очень хороший мужик и химик Виктор Иванович Стрельченко, называемый всеми и всегда и в нашем институте, и во всех химических институтах России никак иначе, как «стрелок» (во-первых, формальный фактор – фамилия, во-вторых, содержательный: он уже лет двадцать бросал курить и поэтому регулярно «стрелял» сигареты и у наших ребят, и у всех химиков страны, когда они встречались на каких-то всероссийских мероприятиях), не вошел в нашу комнату с девушкой и не сказал:

– Дорогие компатриоты! Не сочтете ли вы возможным на в высшей степени недолговечный отрезок временной оси отвлечься от ваших нобелевских проектов и взглянуть на меня хоть один только раз? Крайне вам признателен за внимание и великодушие.

– Виктор Иванович! Вы разрешите Вас угостить высококачественной отечественной сигаретой без фильтра?

– Сердечно благодарю Вас, коллега. Вероятно, разрешу и угощусь, не тревожьтесь. Но не сейчас. Вернемся к этому вопросу чуть позже. А сейчас я хочу представить вам нового сотрудника вашего и нашего отдела Ирину Юрьевну Фрателли, недавно вернувшуюся в Россию из столицы итальянской Швейцарии города Лугано. Надеюсь, вы достаточно эрудированны, чтобы не путать Лугано с дорогим всем нам орденосным Луганском.

Наши ребята тут же откликнулись: «Мы постараемся, но гарантировать не можем» и дружно зааплодировали, а Ирина Юрьевна покраснела и улыбнулась. Мне она сразу и безоговорочно понравилась. Через некоторое время в процессе наших контактов выяснилось, что и она ко мне равнодушна. Как-то я предложил проводить ее, она согласилась. А по дороге домой пригласил в кафе, и опять она согласилась. Роман начался, процесс пошел. Ира несколько лет назад вышла замуж за швейцарского итальянца и поменяла фамилию на Фрателли. Родила там мальчика, которого назвали Марио. Но совместная жизнь не заладилась настолько, что Ира не могла оставаться в Швейцарии даже ради волшебного Лугано. И они с

Марио уехали. Так Ира очутилась в нашем городе и в нашем институте. Марио было шесть лет.

Мы все более сближались с Ирой. Сближение происходило совершенно естественно, спокойно, но необратимо. Мы не ругались, не спорили и не повышали друг на друга голос. Наше общение приносило каждому (мне, во всяком случае) радость и покой, а не ярость и смятение, как у Достоевского с Суловой. Мы оба были стреляные воробы, но ничего похожего на нашу прежнюю супружескую жизнь не возникало. У меня тогда все просто сошло на нет, а у Иры в прошлом была дикая, безумная, беспричинная ревность с криками, хлопающими дверями и хватаниями за руки, на которых потом оставались синяки.

Спустя приблизительно месяц после судьбоносного провоза и посещения кафе мы стали близки (здесь тоже все оказалось в порядке) и перестали скрывать наши отношения. Постепенно возникла и крепла мысль – почему бы нам не пожениться? И эта мысль, действительно, крепла, а не исчезала после каких-нибудь форсмажорных обстоятельств. Их просто не было, этих обстоятельств. Что такое любовь, я по-прежнему не знал, но искренне радовался, когда утром просыпался с ней и нам надо было идти на работу, или когда она входила в кабинет и первым делом подходила ко мне и целовала меня в щеку. Я уже искренне скучал, когда она на неделю уезжала в командировку. И мы решились на вторую попытку. Ирине Юрьевне удалось точно сформулировать глубокую и новаторскую по своей сути мысль: «Попытка – не пытка». Но перед актом легитимизации наших отношений в государственном масштабе нужно было решить ряд содержательных и технических проблем.

Когда вопрос был между нами решен окончательно и бесповоротно (и по случаю этой «как бы» помолвки была выпита дорогостоящая бутылка португальского вина «Маттеус», одного из нетленных символов Португалии наряду с портвейном, как утверждала подкованная в европейском символизме госпожа Фрателли), нужно было всех со всеми знакомить. Неминуемая увертюра имела четырехчастную форму. Первая – знакомство меня с Марио, вторая – Иры с моими родителями, третья – Ирины Юрьевны с Беллой Марковной, четвертая – Беллы Марковны с Марио Максимовичем (итальянское имя Мбссимо транспонировалось в российское Максима). Первая была решена – я уже хорошо познакомился с Марио, потому что наша досупружеская жизнь протекала у Иры, обладательницы двухкомнатной

квартиры, где она жила с сыном, которому тоже было шесть лет. По-моему, мы понравились друг другу. Он называл меня на итальянский лад Марко. Я иногда покупал ему детские книжки на итальянском языке, чтобы он не забыл язык своего уходящего итальянского детства. Он и не забывал, поэтому его речь представляла замечательно-изысканную смесь итальянского с нижегородским, да и в разговорах с мамой они иногда переходили на итальянский. Меня эти разговоры совершенно завораживали, и я на них немного учился итальянскому на бытовом уровне. В детском саду и во дворе Марио говорил на русском языке, постепенно осваивая все его фольклорно-идиоматические глубины, но пока не всегда точно разбираясь в содержании ряда лексем. Это было и смешно, и трогательно. Например, он спрашивал у меня и у мамы: «А Ванькина фамилия Педрилло?» «С чего ты взял?» – изумлялись мы. «Потому что Вовка сказал ему: “Ты козел и педрила”». Или, когда мальчишки во дворе играли в прятки, Марио громкогласно призывал их: «Пердере! Пердере!» (прячьтесь, прячьтесь!), но они почему-то начинали гоготать как безумные и не прятаться, а стараться издавать определенные звуки, чем ставили Марио в лингвистический тупик.

Вторая задача также была благополучно решена. Ира пришла к нам с красивыми цветами для мамы и бутылкой «Граппы», которую отец никогда не пил, но о которой много слышал. Родители были очарованы, у них хватило ума, чтобы не возражать против пресловутой «женщины с ребенком». Да и я по сути дела был «мужчина с ребенком», так что мы были равны по статусу. Без курьеза, правда, не обошлось: папа налил себе полную рюмку «Граппы», Ира не выдержала грядущего «вандализма» и деликатнейшим образом посоветовала ему не пить залпом, а только пригубить, чтобы почувствовать настоящий сладковатый вкус легендарного напитка. Папа повиновался и, как он потом сказал мне, был искренне впечатлен эрудицией Иры в алкогольной проблематике. Мама решила блеснуть и, используя новейшее кулинарное издание, приготовила спагетти. И не просто с отечественным кетчупом, а с соусом, который она с самым трепетным душевным волнением приготовила сама, живо напомнив мне сцены из итальянских фильмов, когда толстые итальянские матроны стоят у плиты и помешивают длинными деревянными ложками огненно-красное зелье на большой сковородке. Я видел, что Ира была очень тронута этим чистосердечным вниманием. Во всяком случае, когда мы вышли на улицу, она обняла меня

и нетвердо поставленным голосом тихо сказала мне: «Спасибо им. Я чувствую, я точно чувствую, что мы станем родными людьми». Я знал, что Ириных родителей уже не было в живых. Этот визит нас еще крепче объединил, но никогда, ни на одно мгновение Бела не переставала занимать основное место в моей жизни.

Далее, мы с Ирой приняли историческое решение синтезировать третью и четвертую проблемы. Для этого нужно было встретиться Ире с Марио, с одной стороны, и мне с Белой, с другой. Высокие стороны наметили посетить лучшее кондитерское заведение в городе. Мы с Белой ждали Иру с сыном дома. Они, наконец, позвонили. Момент был решительный, первое впечатление часто оказывается решающим. Если бы Ира не понравилась Беле, все было бы кончено. Они вошли, и у меня отлегло от сердца. Все выражения лица дочери я знал как азбуку или таблицу умножения. Ира Беле понравилась или даже очень понравилась. Бела, чтобы скрыть искреннюю симпатию (фасон – прежде всего!), изобразила самое холодно-светское выражение лица и официально улыбнувшись, промолвила:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, детка! Меня зовут Ирина Юрьевна. Но это длинно, правда? Я же не буду называть тебя Белла Марковна. Просто Бела. А ты меня – просто Ира. Согласна?

– Я не возражаю. (О Боже мой! – подумал я. Она «не возражает»! Ну и фрукт! Натуральная герцогиня!)

– Здравствуй, Бела! Я – Ирин сын.

– Здравствуй, мне папа говорил, что тебя Марио зовут.

– Си.

– Что?

– Да, да. Си – это по-итальянски. Это у меня иногда бывает.

Я продолжал вглядываться в лицо Белы. Ну, что ж, и здесь был успех. Даже больше. Он ей не просто понравился, она просто внутренне растаяла. Никто бы этого не увидел, кроме меня, а для всех остальных зрителей герцогиня осталась герцогиней. Мама и папа подошли к Марио, мама его поцеловала, а папа пожал руку. Дипломатическая часть была завершена и, к счастью, она прошла в дружеской, конструктивной обстановке. Можно было выдохнуть, выйти и направиться в кондитерскую. Дети пошли впереди, мы – немножко сзади.

– Слушай, я так волновалась! Ты себе не представляешь!

– Представляю. Действительно, ответственное мероприятие. Слава Богу, все друг другу понравилось.

– Слава Богу! Нам же всю жизнь вме-

сте жить. Если бы все прошло плохо, что бы мы с тобой делали? Расстались бы, наверное. Если бы я Беле не понравилась, ты бы меня бросил, я точно знаю. Никто не сравнится с Матильдой твоей.

– Успокойся, все позади. Они в восторге друг от друга, уже не говоря о моих родителях. Бела тебя приняла с первого взгляда. Да и как ты можешь не понравиться кому-то? И для моей, и для твоего в принципе это большая удача – получили готовеньких брата и сестру.

– Марик, я что-то не очень уверена насчет брата и сестры... Пока – да. Лет десять. А потом – не знаю, не знаю... Глаза у обоих сверкают, как звезды ночью. Они уже в чем-то взрослые. Во всяком случае – твоя. А мой затрепетал, как листик на ветру.

– Да, не исключено. Они свободны в этом смысле. И родственники, и неродственники. А как тебе моя дочь?

– Невероятно. Кто кому устроил смотрины? По-моему, она мне. Одно «не возражаю» чего стоит! Шесть лет! И такая дама! Ты, наверно, балуешь ее сверх всякой меры. Да и как ее не баловать? Это же что-то особенное. Я таких не встречала.

– Брось... Все это защитная реакция. Ей неловко, она стесняется самой ситуации... Ну, отсюда и тон, и слова, и повадка Виндзоров. Кончится это тем, что она сменит фамилию Орлова на Фрателли.

– Я была бы рада. За ней он будет как за каменной стеной.

– Не скромничай. Он парень крепкий, очень крепкий. Это он листик до определенного порога. А после него – никакой ветер не согнет. Пройдет пятнадцать лет, и она при всех ее достоинствах будет играть вторую скрипку.

– Марик, никогда. Поверь мне. Женщина женщину видит издалека. Это ему только будет казаться, что она играет вторую скрипку. Она – умна.

– Да, Белла Фрателли – это звучит захватывающе, особенно в контексте нашего областного центра. Это будет полноценный реванш за то, что Ира Фрателли станет Ирой Орловой. Или не станет?

– Станет, станет... Куда она денется при таком уровне обожания пернатых? Орлова, конечно, не Фрателли – будем называть вещи своими именами, но все же и не Ткаченко... так что наименование будет удовлетворительное. Можешь считать, что, как говорит твоя королева, я не возражаю. А кстати, может быть, ты хочешь стать из Орлова Фрателли? Могу посодействовать! Тогда мы все вчетвером будем Фрателли!

– Благодарю покорно. И дым Отечества нам сладок и приятен.

– Я через два года в школу пойду.

– И я. Марио, тебя прямо так называть? Или как-нибудь по-другому?

– Все зовут Марио. Ты, если хочешь, можешь по-другому.

– Хорошо, я подумаю. А ты не обидишься?

– Нет. Если не будет обидно.

– Обещаю, не будет. Ты же теперь будешь мой брат... Они женятся скоро...

– Черто, женятся.

– Черто?

– Видишь, опять. Черто – это по-русски «конечно».

– Марио, я так постепенно на итальянском заговую.

– Марко уже немного понимает и говорит.

– А кто этот Марко?

– Твой папа. Я его Марко называю, мне так очень нравится. Ты не против?

– Нет, нет. Марко – звучит красиво. Ты давно его знаешь?

– Полгода, наверно.

– Так... Мне ничего не сказал. А раньше все до капельки говорил.

– Я бы сделал, как Марко. Когда они решили, что женятся, тогда и сказал. Зачем было раньше говорить? Им же надо было свои чувства проверить. Так в одном кино говорили.

– Ну, вообще-то да...

– Посмотри на них. Разговаривают, как будто сто лет знакомы.

– Все правильно. Они же наши маленькие веточки. Мы с тобой близкие люди, и они за нами несутся друг к другу.

– Кто бы мог подумать полгода назад, что все так повернется? Слушай, скажи честно... Мы же все равно поженимся, если уж детей завлекли в эту историю. Но все же скажи – твои не против меня? Я же, как говорят, «с прицепом», с малышом...

– А я что – без «прицепа»? Они абсолютно «за». Они так намучились с моей первой, с Белкиной матерью, так устали от моего несчастного вида... А сейчас я счастлив, спокоен, глаза светятся. И абсолютно готов к продолжению фамильных ценностей.

– Что-то я не очень поняла насчет «фамильных ценностей»...

– Ира, итальяночка моя, твое знание латинских корней оставляет желать лучшего. Фамильных – значит, семейных.

– Теперь ясно. Да, я думаю, это необходимо. Но самое главное, что я хочу этого. Когда женщина любит мужчину, она всегда хочет продолжения фамильных ценностей.

– Ну, и отлично. Сегодня после кондитерской и приступим. Чего тянуть?

– Марик, насчет «приступить» я всегда

и целиком «за». Но послушай, мы потянем троих детей? В контексте нашего бюджетного химического образования?

– Сама сказала, что это необходимо. А если необходимо, значит, потянем. У меня диссертация практически готова, у тебя – полностью готова. Кроме этого, в нашем университете, как ты знаешь, есть химический факультет. Значит, в нашем городе водятся абитуриенты, которым нужен репетитор. Я собираюсь вплотную заняться этой золотonosной деятельностью. По вечерам.

– Ну, значит, и я смогла бы.

– Договорились. Будет у нас семейный подряд. Дадим в газете объявление «Супруги Фрателли готовы содействовать поступлению всех желающих на химический факультет университета. Дорого. Предоплата. Торг уместен. Любовь к химии гарантируем».

– Почему Фрателли?

– А почему на наших витринах пишут «sale», а не «распродажа»? Низкопоклонство перед Западом всегда было важной особенностью российского менталитета. Естественное следствие жизни за железным занавесом.

– А знаешь, что значит Белла по-русски? Прекрасная.

– Да, это я знаю.

– А как мы будем жить? Вы к нам приедете?

– Марио, я вообще-то живу у мамы, папа с мамой давно развелись, но я почти каждый день с папой. Я потом уйду от мамы к папе, но пока не могу, мне ее жалко. Она и так заполошенная.

– Заполошенная? В поло играет?

– Нет, в поло не играет. Заполошенная – значит беспокойная, нервная. У нее жизнь такая.

– Я буду у тебя русскому языку учиться.

– Папа, наверно, приедет к вам, а я буду к вам приходить, как приходила к папе и бабушке с дедушкой. Но я буду их часто навещать. Если хочешь, с тобой. Ты же теперь мой брат. Значит, они и твои дедушка с бабушкой. Они добрые, вот увидишь. Ты никогда такой жареной картошки не ел, как бабушка готовит. Иногда, наверно, я буду у вас ночевать. Но мне кровать не надо. Я всегда с папой сплю. Он на меня руки кладет и я спокойно засыпаю. Я его с детства обожаю и жить без него не могу. Он лучше всех.

– Да, он классный. Красивый и не кричит все время. Мне он сразу понравился. Рано утром я пошел в мамину комнату, она спит, а он сидит за столом и пишет. Я ничего не понял сначала. Откуда он взялся? Он ко мне подошел, руку мне пожал и сказал: «Привет, Марио! Меня зовут Марк. Пошли завтракать». И вкусную очень яичницу приготовил с сыром и укропом.

– А когда у нас братик или сестренка родится и приедет к нам, тогда я не знаю, что будет. У вас сколько комнат?

– Две, одна большая, а другая нет. Они в большой спят, а я в другой. А братик или сестренка когда приедет?

– Марио, когда люди женятся, у них часто бывают потом братики и сестренки в добавку к прежним детям. А где они сейчас живут, я не знаю. Я спрошу у Иры. Мужчины, по-моему, не умеют маленьких детей разыскивать. Поэтому спрошу Иру, а не папу.

– Бела, ты какое пирожное больше всего любишь?

– Я люблю любое, если в нем много крема. А ты?

– Эклер.

– Если честно, мне твоя мама тоже понравилась. Я думаю, она хорошая. И не будет папу мучить, как... В общем, не будет.